

300 лет со дня рождения Г. Ф. Миллера

С. С. ИЛИЗАРОВ

АКАДЕМИК ГЕРАРД ФРИДРИХ МИЛЛЕР – ИСТОРИК НАУКИ*

Выдающемуся ученому, просветителю, путешественнику, журналисту, академику Санкт-Петербургской академии наук, почетному члену академий и научных обществ России, Англии, Германии, Голландии, Франции, Швеции – Герарду Фридриху Миллеру в 2005 году исполняется 300 лет со дня рождения.

Воспитанник немецкой историко-филологической школы, Г. Ф. Миллер по рекомендации своего учителя профессора И.Б. Менке в ноябре 1725 г. переехал в Россию для службы в Санкт-Петербургской Императорской академии наук. С 1728 по 1730 гг. Г. Ф. Миллер – конференц-секретарь; с 1730 г. – член Академии наук в звании профессора истории. Кроме учебно-педагогической работы он выполнял обязанности академического библиотекаря (занимался систематикой книг), принимал участие в становлении академического Архива, наблюдал с момента открытия за работой типографии Академии (включая редактирование и правку корректур) и книжной лавки. В 1728 г. Миллер – первый редактор газеты «Санкт-Петербургские ведомости». Ему принадлежит идея издавать специальные «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания» к «Санкт-Петербургским ведомостям», которые стали в России первым научно-популярным журналом ярко выраженного просветительского характера.

В 1732 г. молодой профессор истории Г. Ф. Миллер предложил Академии общий план работ по русской истории. В том же году он приступил к изданию в Санкт-Петербурге сборника «Sammlung Russischer Geschichte», ориентированного на западноевропейскую аудиторию (до 1765 г. вышло 9 томов). Этот сборник стал широко известен в Западной Европе и был первым, позволявшим зарубежному читателю получать добротные и достоверные научные материалы к познанию России и ее истории. Для Миллера на протяжении всей его жизни и творчества характерно стремление к параллельной публикации важнейших работ на двух языках – русском и немецком, что многократно усиливало научный и культурно-просветительский потенциал.

С августа 1733 г. по февраль 1743 г. Г. Ф. Миллер в качестве руководителя сухопутного отряда по изучению Сибири был участником 2-й Камчатской экспедиции

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 04-01-00307а). Пользуясь случаем, хочу поблагодарить за дружеское участие А. В. Доронина и Г. Шуппенера (ФРГ), помогавших мне в получении материалов, относящихся к первому периоду жизни Г. Ф. Миллера. Я также признателен коллегам из Городской экспертной комиссии книгоиздания Правительства Москвы – Г. Н. Львову, В. А. Максимова, А. Л. Муратову и А. А. Сабировой, сделавшим возможной поездку в Германию в марте 2005 г., которая помогла мне лучше понять некоторые ключевые моменты в биографии героя этой статьи.

под командой капитан-командора Витуса Беринга. Результатом этой экспедиции явились многочисленные труды (книги, статьи, публикации) Миллера по истории, географии, этнографии, археологии, языкознанию, астрономии, геодезии и картографии; он также собрал обширную коллекцию письменных и археологических исторических источников.

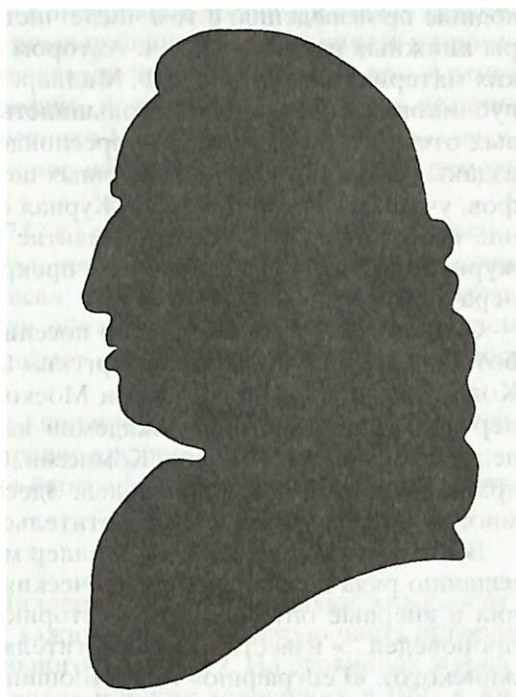
В 1744 г. Г. Ф. Миллер выдвинул развернутый проект учреждения при Академии наук специализированного подразделения – Исторического департамента для сочинения истории и географии Российской империи. По его мысли, это подразделение, размещенное в каменном безопасном от пожара доме (обязательно в Москве), должно было служить единым государственным центром концентрации всех исторических источников, как отечественного, так и зарубежного происхождения, включая собрание опубликованных книг.

В 1747 г. Г. Ф. Миллер стал первым ректором Университета Санкт-Петербургской академии наук и составил проект Университетского регламента. В 1748 г. Миллер принял русское подданство и получил звание российского историографа. Летом 1748 г. Миллер, озабоченный сохранением рукописного и книжного собрания государственного деятеля и ученого В. Н. Татищева, предлагал Академии командировать его в Москву для приобретения этого собрания.

В 1750 г. на русском языке вышел первый том его истории Сибири под названием «Описание Сибирского царства» – первое в мировой литературе фундаментальное исследование, основанное на максимально возможной источниковой базе (в полном виде на русском языке не издано). Классический труд Миллера составил эпоху в развитии русской исторической науки и послужил образцом для других региональных исследований. «История Сибири» Миллера – выдающийся памятник исторической литературы – до настоящего времени сохраняет научное значение.

С 7 марта 1754 г. Миллер вторично назначен конференц-секретарем Санкт-Петербургской академии (до 1765); он организовывал регулярные заседания Конференции, международные научные конкурсы, заведовал Архивом, курировал издательскую деятельность, международные связи и др. Благодаря его усилиям в 1755 г. увидело свет «Описание земли Камчатки» С. П. Крашенинникова. Параллельно с основной работой с 1761 г. он заведовал учебной частью и типографией Морского кадетского корпуса в Санкт-Петербурге.

С 1755 г. Г. Ф. Миллер издавал в Санкт-Петербурге журнал «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие», ставший в России первым и лучшим на протяжении всего XVIII в. научно-популярным и литературным журналом. Кроме собственно научных произведений здесь публиковались оригинальные и пере-

Г. Ф. Миллер

водные произведения, в том числе чисто литературные, а также рецензии и обзоры книжных новинок и проч. Автором большинства исторических и географических материалов был сам Г. Ф. Миллер. На страницах «Ежемесячных сочинений...» публиковались и сочинения большинства современных литераторов, членов и первых отечественных членов-корреспондентов АН; здесь впервые на русском языке изданы важнейшие труды античных авторов, произведения современных философов, ученых и просветителей. Журнал оказал существенное влияние на просвещение и образование в России, развитие русской литературы, науки и становление журналистики. Издание журнала прекращено в 1764 г. в связи с переездом Миллера в Москву.

С марта 1765 г. Г. Ф. Миллер поселился в Москве, став первым живущим и работающим здесь санкт-петербургским академиком. Через год он назначен членом Коллегии иностранных дел при Московском ее архиве. На следующий год Миллер как старейший член Академии наук выбран первым среди русских ученых депутатом законодательной Комиссии. С 1773 г. он возглавил Московский главный архив Коллегии иностранных дел. Здесь и развернулась его широкомасштабная и многогранная культурно-просветительская и издательская деятельность.

В московский период Г. Ф. Миллер много сил отдал археографической работе – изданию ряда важнейших исторических источников и ученых трудов. Он подготовил и впервые опубликовал: «Историю Российскую» В. Н. Татищева, «Собрание проповедей...» известного просветителя петровской эпохи епископа Гавриила (Бужинского), «Географию» А. Ф. Бушннга, «Ядро Российской истории» А. И. Манькиева, «Судебник... Иоанна Васильевича», «Письма Петра Великого... графу Борису Петровичу Шереметеву...», «Книгу Степенную царского родословия...» и др. Каждое издаваемое произведение Миллер обязательно сопровождал предисловием, где объяснял мотивы своего обращения к тексту, обосновывал актуальность его публикации для развития науки и просвещения, излагал принципы текстологии. Изданные тексты сыграли огромную роль в развитии научных знаний, а культура научного книгоиздания, разработанная и каждый раз объясняемая Миллером в предисловии, опережала теорию и практику археографии.

Г. Ф. Миллер снабжал историческими материалами великого издателя и археографа Н. И. Новикова для «Древней Российской вивлиофики», историка М. М. Щербатова, писателя А. П. Сумарокова и других для их работ.

В первом русском географическом словаре, подготовленном им совместно с воеводой подмосковного города Вереи Ф. А. Полуниным, Г. Ф. Миллер опубликовал (1773) первые научные очерки «Россия», «Москва», «Санкт-Петербург» и др., которые легли в основу энциклопедических описаний столиц других авторов.

Существенной была роль Миллера в развитии Московского университета: он имел непосредственное отношение к назначению многих преподавателей и профессоров, находился с ними и университетской администрацией в постоянном контакте и переписке; выдвигал собственные проекты, записки и предложения по вопросам управления Университетом, университетской типографией; был членом Вольного российского собрания; предусмотрительно собирал коллекцию печатных программ, каталогов и всевозможных объявлений о торжественных публичных собраниях и лекциях, оригиналов и копий с речей университетских профессоров и т.д.

В 1779 г. именным указом в Москве в Архиве Коллегии иностранных дел положено начало одному из крупнейших научных проектов – изучению и археографическому изданию Собрания государственных грамот и договоров России с иностранными государствами. Для реализации данного проекта в январе 1783 г. импера-

трица указала: «Для печатания сочиняемого [...] собрания древних и новых трактатов между Россиею и другими державами и иных публичных актов, також и прочаго, что до российской истории касается, повелеваем завести в Москве при Архиве Коллегии иностранных дел особую типографию, препоручая ей в точное ведение находящегося при том архиве статского советника Миллера»¹. За несколько месяцев до смерти Миллер разрабатывал детальное обоснование всего необходимого для новой типографии в Москве.

После долгих переговоров (с 1779 г. по 1782 г.) императрица Екатерина II распорядилась приобрести для Москвы документальное собрание и библиотеку ученого. В благодарственном письме Г. Ф. Миллер писал: «Не меньше же Ваше Императорское Величество к вечной славе соизволили обязать и всю публику, снабдением Москву библиотекою, которая главный предмет есть Россия и все окрестныя как Европейския так и Азиатския государства».

Его архив, документальная коллекция и книжное собрание хранятся в настоящее время в Российском государственном архиве древних актов.

Такова вкратце, так сказать, формальная биография академика Г. Ф. Миллера.

* * *

Вся долгая и многогранная жизнь Г. Ф. Миллера в российской науке, каждый отдельно взятый ее этап и эпизод составляют важную, неотъемлемую часть истории культуры и заслуживают глубокого и детального изучения². На страницах журнала «Вопросы истории естествознания и техники» мне уже доводилось в 1997 г. писать о том, что наилучшим образом характеризует жизнь и творчество ученого слово «первый»³. За прошедшие с тех пор годы я еще больше утвердился в этом мнении. Практически нет ни одной области в российской истории, географии, этнографии, языкознании и др., где бы не просматривался основополагающий либо весьма заметный вклад Г. Ф. Миллера.

В юбилейный год у меня, давно и более или менее постоянно занимающегося историей жизни этого ученого, возникло естественное желание подготовить для нашего историко-научного журнала материал о Миллере и системно рассмотреть его творчество и деятельность как историка науки. Его непосредственная связь с начальными страницами историографии науки лежит как бы на поверхности, для специалистов она очевидна, но его историко-научное наследие дисциплинарно «рассеяно». Так, Миллер известен как первый историк русских географических открытий, и ни одна работа по истории Камчатских экспедиций и изучению Сибири без учета его основополагающего вклада невозможна. Со времен академика А. А. Куника Г. Ф. Миллер известен как автор первого большого труда по истории Санкт-Петербургской академии наук. Эта традиция затем была укреплена

¹ Р ГАДА. Ф. 180. Оп. 1. Д. 59. Л. 37.

² Российская и зарубежная «Миллериана» велика. Начинается она в год смерти ученого и наряду с некрологами представлена фундаментальной работой его друга А. Бюшинга, издавшего монографический очерк «Gerhard Friderich Müller» в III томе «Beiträge zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen, insonderheit gelehrter Männer» (Halle, 1785. S. 1–160). Первая на русском языке биография, также имеющая основополагающее значение, принадлежит митрополиту Евгению (Болховитинову), опубликовавшему в 1821 г. анонимно очерк «Герард Фридерик Миллер» в журнале «Сын Отечества» (№ XXII).

³ Илизаров С. С. Академик Герард Фридрих Миллер – гражданин Москвы // ВИАТ. 1996. № 4. С. 60–92.

исследованиями академика П. П. Пекарского, и, наконец, издание в 1890 г. на немецком языке, предпринятое академиком М. И. Сухомлиновым, завершило первый этап введения в научный оборот основного историко-научного труда Г. Ф. Миллера. Даже этих двух направлений достаточно, чтобы историко-научное творчество Миллера стало предметом специального рассмотрения. Между тем его работы по истории науки охватывают существенно более широкий спектр тем и направлений и в сумме представляют определенную целостность.

Г. Ф. Миллер как ученый и историк науки был неразрывно связан с европейскими традициями, и потому имеет смысл обратиться к начальному периоду его жизни.

Учителя

Первые два десятилетия жизни Г. Ф. Миллера прошли в двух небольших городах, расположенных в северо-западной части Германии, в Вестфалии – в Херфорде, где он родился, и в Ринтельне, где находился университет «Academia Ernestina», основанный в 1621 г. графом Эрнстом III Шаумбургским. С этими городами самым тесным образом были связаны все Миллеры. Так в матрикулах Ринтельнского университета записано свыше десяти представителей фамилии Миллер, учившихся здесь в XVII–XVIII вв.; пять из фамилии Фюрстенау, а также представители других родов, с которыми Миллеры были в родстве ⁴.

Отец Герарда Фридриха – Томас Миллер (9.I.1661, город Зёст – 16.I.1729, Херфорд), «муж ученый», магистр философии, в течение сорока лет был ректором Херфордской гимназии. Духовным отцом Томаса Миллера был пастор Николаус Миллер – ректор архигимназии, а крестной матерью – Анна Хайнехия, дочь известного теолога, профессора Ринтельнского университета Хенрика Хайнехия ⁵.

Томас Миллер был дважды женат и имел шестерых детей. Первой его женой стала Екатерина-Елизавета Фюрстенау. Ее отец, ученый медик Йохан Херман Фюрстенау (1688–1756), изучал медицину в Виттенберге и Йене, а затем в Галле, где в 1709 г. защитил кандидатскую диссертацию. Живя в Херфорде, много путешествовал с научными целями по Германии и Голландии, завязал дружеские отношения со многими замечательными учеными и на протяжении всей жизни поддерживал с ними контакты. С 1717 г. постоянно в Херфорде. В 1720 г. приглашен в качестве профессора медицины в университет Ринтельна, где позже в 1730 г. получил профессию по сельскохозяйственным наукам, учрежденную по примеру прусских университетов того времени. В 1752 г. – доктор философского факультета Геттингенского университета ⁶.

Во втором браке Томас Миллер был женат на Анне-Марии, дочери Герарда Бодинуса – профессора богословия, суперинтенданта и советника консистории в городе Ринтельне. От второй жены Томас Миллер имел двух детей – Генрика Юстуса и Герарда Фридриха.

Г. Ф. Миллер получил хорошее домашнее воспитание, затем учился в старинной, основанной еще в 1540 г. Херфордской гимназии, которой уже много лет руково-

⁴ Woringen, A. Die Studenten der Universität zu Rinteln (Academia Ernestina). Leipzig, 1939. S. 46, 91.

⁵ Borgmeyer, F. K. Memoria Mulleriana, das ist kurze den ansehnlicher und schriftlicher Beerdigung des weyland hoch-Edlen, Best- und hochgelehrten herrn, herrn Thomae Mulleri... Herford, [1729]. S. 3.

⁶ Allgemeine Deutsche Biographie (ADB). Leipzig, 1878. Bd. 8, S. 216–217.

Вид Ринтельна в 1622/1623 гг.

Старое здание университета в Ринтельне, вид с парадного входа.
Клостерштрассе. 1876 г.

Университеты и академические гимназии в северной части Центральной Европы по состоянию на 1621 г. Внешний многогранник – университеты, внутренний – академические гимназии.

дил его отец. Именно здесь проявились способности будущего ученого к языкам ⁷ и определилось основное направление его профессиональных интересов. Его привлекало библиотечное дело, понимавшееся тогда как история науки – история учения, литературы и образования ⁸. Талантливому и целеустремленному юноше вскоре стало тесно в старинном, но провинциальном городе, и в семнадцать лет, в 1722 г., он поступил в университет города Ринтельна. Затем некоторое время он снова жил со своим отцом, а в 1724 г. уехал в Лейпциг.

⁷ По свидетельству современников и на основании архивных документов известно, что Миллер свободно говорил и писал на немецком, русском, французском и латинском языках, свободно читал и писал на английском, голландском, шведском, датском и греческом языках.

⁸ История Академии наук Г. Ф. Миллера с продолжением И. Г. Штриттера (1725–1743) // Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1890. Т. 6. С. 250.

Лейпциг, 1632 г.

Лейпцигский университет был одним из старейших и известнейших в Германии (основан в 1409 г.). В нем учились многие знаменитые и выдающиеся люди: Ульрих фон Гуттен, Томас Мюнцер, С. Пуфендорф, Х. Томазиус, И. Г. Лейбниц, И. В. Гёте, Г. Э. Лессинг, Ф. Г. Клопшток... В Лейпциге всегда помнили, что именно здесь летом 1519 г. проходил решающий для истории протестантизма диспут между Мартином Лютером, Карлштадтом (Анreasом Боденштейном) и католическим богословом Иоганном Экком. Здесь в гостинице Королевский дом (Köningshaus) останавливался Петр I на пути в Голландию в 1698 г. Лейпциг – «маленький Париж», как его называли во времена молодого Гете, был признанной столицей книгопечатания и книготорговли благодаря своей старинной и знаменитой ярмарке. С середины XV столетия Верхняя Саксония играла ведущую роль в формировании общегерманского языка, а процветающий Лейпциг со своим университетом и ярмаркой являлся одним из главных центров этого движения⁹. Незадолго до переезда Миллера в Лейпциг, сюда в 1723 г. навсегда перебрался капельмейстер Иоганн Себастьян Бах...

Г. Ф. Миллер сам многократно писал, что в Лейпциге он учился под руководством известного ученого и литератора профессора И. Б. Менке и пользовался его знаменитой библиотекой.

⁹ В 1782 г. К. М. Виланд в статье «Что такое верхненемецкий?» писал следующим образом: «Возросшее благодаря торговле и фабрикам благосостояние, все увеличивающееся население, вновь восстановлена [Хр. Вольфом], очищенная и всеми почитаемая философия, роскошные дворы Августов, которые щедро поддерживали изящные изобразительные искусства, являлись таким образом создателями тонкого вкуса, язык, очищенный Готтшедом и освобожденный от чуждых напластований, – все эти вместе взятые обстоятельства действовали быстро и неотвратимо. Верхняя Саксония стала теперь Атикой и Тосканой Германии...». Цит. по: Бах А. История немецкого языка. М., 2003. С. 241.

The University. Die Universität.

Лейпцигский университет, 1845 г.

Иоханн Бурхард Менке (8 апреля 1674, Лейпциг – 1 апреля 1732) был известен в России и принимал участие в подборе кандидатур на вакансии для открывавшейся в Санкт-Петербурге Академии наук. Он родился и учился в Лейпциге, сначала в старейшей городской школе Николаешулле, затем в университете изучал философию и теологию; в двадцать лет стал магистром философии. В 1698 г. путешествовал по Голландии, Франции, Англии и навсегда стал восторженным ее почитателем. В Англии Менке познакомился со многими известными учеными, усиленно работал в библиотеках и строил планы в области изучения палеографии Библии. В 1699 г. вернулся домой и получил место профессора истории. Кроме этого, он специализировался в юридических науках. В 1701 г. в Галле получил докторскую степень по юриспруденции. В 1708 г. занял вакантное место историографа саксонского курфюрста. В 1717 г. Менке возглавил Герлицкое поэтическое общество, вскоре получившее общегерманское признание, особенно после того, как в 1724 г. к нему присоединился И. Х. Готтшед.

В 1715 г. Менке основал новую газету «разнообразных ученостей», и с этого начинается в Лейпциге научная периодика. В местном университете среди прочего он читал курс журналистики, который слушал Миллер. Менке – автор многочисленных небольших трудов по археологии, истории, лексикографии, литературоведению, он также писал стихи. Подготовленное и впервые опубликованное им в 1728–1730 гг. собрание исторических источников до сих пор не потеряло научной

ценности. Две речи Менке, изданные в 1713 г. и 1715 г., сделали его европейски знаменитым. Под названием «О шарлатанстве или балаганстве ученых» они неоднократно переводились и переиздавались.

По рекомендации И. Б. Менке в России в первый же год существования Академии наук и оказались два его ученика – И. П. Коль и Г. Ф. Миллер¹⁰.

Примерно за год до того как Г. Ф. Миллер оказался в Лейпциге, сюда в качестве домашнего учителя перебрался Менке, а также ставший вскоре знаменитым в Европе И. Х. Готтшед. Миллер не говорил и не писал о нем как о своем учителе, тем не менее влияние Готтшеда было исключительно велико.

Последовательный лейбницианец¹¹, выдающийся немецкий просветитель Иоханн Христоф Готтшед (2 февраля 1700, Кёнигсберг – 12 декабря 1766, Лейпциг) в XVIII в. оказал наибольшее влияние на формирование немецкого языка. Судя по всему, именно под влиянием Готтшеда, для которого язык являлся слугой разума, выработался характерный рационалистический стиль научного языка Миллера.

Миллер никогда не терял связь со своей alma mater, чему в немалой степени способствовала блестящая ученая карьера его друга Готтшеда¹², который уже в 1720-е гг. получил кафедру поэзии, а с 1738 г. возглавил университет¹³.

Пережив своего друга, Миллер не мог не задуматься о собственном научном наследии, наблюдая, как еще при жизни померкла слава Готтшеда под яростными атаками его бывших учеников, писателей новой формации «Бури и натиска» и особенно Г. Э. Лессинга. В середине 1770-х гг. Миллер, вспоминая о Гольдба-

И. Б. Менке, 1723 г.

¹⁰ Эти события в деталях неоднократно освещены биографами Миллера, в частности, упоминается о том, что он не хотел покидать любимый Лейпциг и что только благодаря настойчивым уговорам своего учителя Менке и Коля Миллер поехал в Россию. См. также: Материалы... Т. 6. С. 25.

¹¹ Среди многочисленных научных и педагогических, главным образом языковедческих и литературно-критических трудов Готтшеда выделяется его многократно переиздававшаяся работа «Первоосновы общего мироустройства, а в них все философские науки в их естественной взаимосвязи...» (*Erste Gründe der gesamten Weltweisheit, darinn alle philosophische Wissenschaften, in ihrer natürlichen Berknüpfung...* Leipzig, 1762).

¹² В архиве Г. Ф. Миллера хранится переписка с Готтшедом. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (ПФА РАН). Ф. 21. Оп. 3. Д. 305/16.

¹³ ADB. Leipzig, 1879. Bd. 9. S. 497–508; *Reichel, E.* Gottsched. B.: Schöneberg, 1912. Bd. 1–2.

Д. Г. Морхоф, 1731 г.

хе, столь же почитаемом им ученом и блестящем стилисте, размышлял о развитии немецкого языка: «Будет справедливым отметить такую особенность исторической судьбы немецкого языка: его настоящее и наиболее эффективное улучшение началось в самом удалённом углу Германии, в прусском Кёнигсберге, и оттуда распространилось по Верхней Саксонии. Усилия общества по очищению немецкого языка, основанного Менке в Лейпциге, были незначительны в сравнении с тем, что сделал Готтшед, когда в 1724 г. прибыл из Кёнигсберга в Лейпциг. О бессмертный Готтшед, с наследием которого его ученики поступили столь неблагодарно!»¹⁴.

Определяя круг ученых и профессоров, которые в наибольшей мере повлияли на Миллера, нельзя не назвать имя человека, чей жизненный путь завершился задолго до его рождения. Сохранилось ценное свидетельство самого Миллера о том, что с молодых лет и примерно до начала 1730-х гг. он

«более прилежал к полигистории Морхофа, к истории учености, к сведениям, требуемым от библиотекаря. Обширная библиотека моего отца воспитывала во мне эту склонность»¹⁵. Наверное, в отцовской библиотеке молодой Миллер и познакомился впервые с сочинениями Даниэля Георга Морхофа (6 февраля 1639, Вейсмар – 30 июля 1691, Любек). Это был видный историк, теоретик искусства, поэт, один из родоначальников немецкого литературоведения. В 1660 г. в возрасте двадцати одного года он стал профессором поэзии, позднее получил также университетскую кафедру истории. Дважды совершал ученые путешествия в Голландию и Англию, где в 1661 г. стал доктором юриспруденции. Морхоф посвятил себя универсальным штудиям, писал стихи на немецком и латыни и был почитаем во всей Европе. Автор огромного числа небольших сочинений, но славу ему принесло «Исследование немецкого языка и поэзии. Ее происхождение, развитие и становление» (1682). Знаменитый «Полигистор», о котором вспоминал Миллер как о своих вратах в ученость, вырос у Морхофа из академических лекций. Он попытался суммировать все научные знания, причем наука, в его понимании, выступала как мощное древо с отдельными подразделениями, которое следует изучать в своей целостности. В 1688 г. вышла первая книга, вторая – в 1692 г. уже после смерти Морхофа; полностью

¹⁴ Материалы... Т. 6. С. 31.

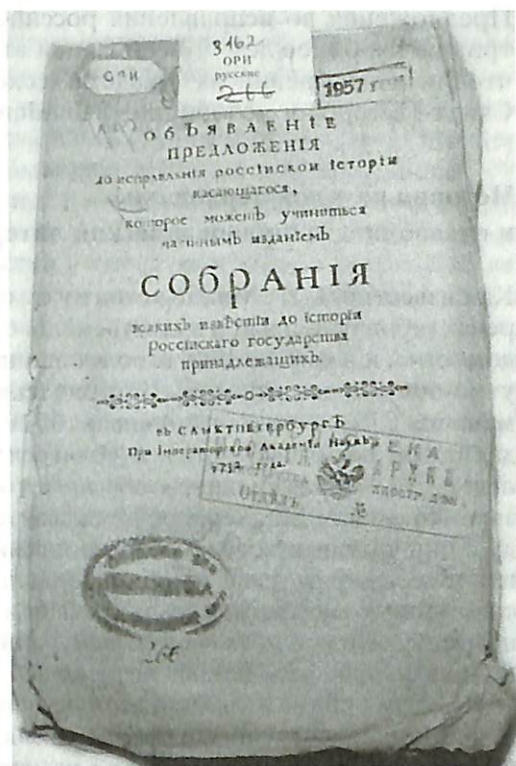
¹⁵ Цит. по: Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. С. 317–318; Материалы... Т. 6. С. 250.

в трех томах «Полигистор литературный, философский и практический» был издан в 1695 г. и затем многократно переиздан.

Итак, убежденный Менке и Колем, Миллер решил принять место «элева» и, получив из России сто рублей на дорожные расходы, в день Михайловской ярмарки уехал из Лейпцига и через Гамбург и Любек прибыл 5 ноября 1725 г. в Санкт-Петербург.

Последующие события достаточно известны, и потому не буду повторяться. Отмечу только, что в меру амбициозный Миллер по типу личности – ярко выраженный экстраверт; его дальнейший путь постоянно был сопряжен с учением и передачей другим приобретенных знаний. В Санкт-Петербурге в то время было у кого учиться. Небольшой по составу академический коллектив, представленный яркими и одаренными учеными, библиотека, государственное содержание, не говоря уже о бесконечном исследовательском пространстве, какое являла собой недавно возникшая Российская империя, – все это открывало для ищущих небывалые перспективы. И Миллеру удалось в полной мере воспользоваться представившимися возможностями. В Академии наук он мог и стал активно восполнять недостающие знания. О его дружбе со старшими коллегами по Академии – Х. Гольдбахом, Т. З. Байером и др.¹⁶, в том числе поначалу даже с А. Д. Шумахером (вскоре их отношения станут пожизненно неприязненными), свидетельствуют многие страницы академической истории, сочиненной им спустя полвека.

Вскоре, в 1732 г., молодой профессор истории Г. Ф. Миллер предложил Академии общий план работ по русской истории, которым предусматривались, кроме всего прочего, публикация статей и материалов, освещающих «ученую историю России» в виде исторических очерков, посвященных развитию школ и академий, началу письменности, типографического искусства и т. п., а также исчерпывающая библиография всех напечатанных в России книг. Его программа – первая оригинальная научно-исследовательская программа комплексного изучения истории и географии России была издана в форме брошюры «Объявление

Брошюра, содержащая научную программу академика Г. Ф. Миллера. СПб., 1732. Титульный лист. (РГАДА. Инв. 3162).

¹⁶ Например, Миллер такими словами завершал краткое жизнеописание Байера: «Прошу меня простить, если перед этим человеком, по отношению к которому никакие похвалы не будут достаточны, моё восхищение (как перед моим предшественником в изучении русской истории) выступает ярче, чем перед другими» (Материалы... Т. 6. С. 48).

Предложения до исправления российской истории...»; она рассчитана была на тридцать и более лет ¹⁷. Реализация этой программы началась сразу же, по прочтении и одобрении на Академическом собрании осенью 1732 г., с издания в Санкт-Петербурге сборника «Sammlung Russischer Geschichte».

История научной периодики и справочно-энциклопедической литературы

Как известно, Г. Ф. Миллер стоит у самых истоков русской периодики. В 1728 г. он редактировал первый и единственный официоз – газету «Санкт-Петербургские ведомости», и в том же 1728 г. по его инициативе возникло первое периодическое научно-популярное издание «Исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях» ¹⁸. 4 января 1729 г. в редакционном предисловии к этому изданию он писал, адресуясь к «благосклонному читателю», о смысле начинания, о том, что «Примечания...» создаются «ради увеселения тебя, и ради твоей пользы». По словам Миллера, он не опасается недостатка материалов, поскольку наряду с обычными известиями, касающимися новой политической истории, генеалогии и географии, здесь будут материалы древних и средних времен «о тогдашнем состоянии Государств, земель и высоких фамилии», а также «не оставим при данном случае из разных частей натуральной, церковной и ученой истории многое прибавлять, что мы нашим читателям приятного и полезного изыщем».

В этом раннем небольшом сочинении отчетливо высвечивается кредо Г. Ф. Миллера – ученого и просветителя. Любое издание должно было быть, по его убеждению, ясно ориентировано на читателя, и потому его работы всегда содержат предисловие с глубоким обоснованием цели и задач, с историей вопроса. Вообще обоснование знания характерно для творческого метода Миллера и требует отдельного специального рассмотрения.

Наверное, не случайно, что первые шаги молодого ученого в России начались с журналистского проекта. Как уже отмечалось, среди его учителей были выдающиеся издатели, а в Лейпцигском университете Миллер прослушал первый в Германии курс истории журналистики. И вот в конце 1728 – начале 1729 гг. Миллер представил в редакционном предисловии к «Примечаниям...» первое на русском языке сочинение по истории периодики в Европе. Здесь он писал о широко распространеннейшей моде на периодические издания (по его терминологии – «ведомости», хотя он использует уже и слово «газеты»).

Очерк Миллера по истории журналистики начинается с Древнего Рима с традиций обнародования магистратских постановлений ¹⁹. Однако в современном понимании первые «ведомости» появились у итальянцев в XVI столетии, сначала в рукописном, а позднее печатном виде. Само слово «газета», информировал читателей Миллер, появилось в Венеции от названия «некоторой малой монеты, которая

¹⁷ Проект издан на двух языках; на русском мне известны лишь два дефектных экземпляра (в РГБ и РГАДА), и это, видимо, свидетельствует о том, что проект был обращен исключительно к ученому сообществу.

¹⁸ В том же году в Санкт-Петербурге началось аналогичное издание на немецком языке «Historische, Genealogische und Geographische Anmerkungen über die Zeitungen».

¹⁹ Очевидно, речь шла о выпускавшихся по предписанию Юлия Цезаря «Acta diurna Urbis», которые сообщали официальные известия и новости, выставлявшиеся для чтения в общественных местах.

от них газетта имяновалась, и всегда за чтение оных ведомостей плачена бывала. И тако должны мы италианцам первое благодарение за вымышление так полезно-го и приятного дела отдавать». Не меньше исторических заслуг у французов, благодаря которым «газетная» мода распространилась среди народов. Особо Миллер выделял деятельность «славного Ренодо, бывшего медикуса в Монтпелиере»²⁰, издававшего в Париже в 1631 г. ведомости, послужившие образцом для многих других. Миллер, разумеется, знал, что еще раньше и в Германии, и в Голландии выходили рукописные и печатные листки новостей – «месячные писма» (в XV–XVI вв. *relationes, neue Zeitungen*), однако, по его мнению, это не современные ведомости, и потому в истории периодики «надлежит галандцам [и] немцам токмо третии ранг». Хотя, отмечал он, именно при их посредничестве эта мода перешла наконец в «здешние северные провинции», и ныне уже двадцать семь лет минуло с того времени, как Петр I начал издавать «в ползу своих подданных некоторые ведомости на Россииском языке». Заключал свое краткое историко-журналистское предисловие Г. Ф. Миллер следующими выразительными словами: «И тако можем мы тебя сим вместо предисловия удовольствовать, вручая себя твоей любви и склонности, а в протчем ничего более не желаем, как всякому угодными быть...»

Я бы хотел особо отметить, что это первый в своем роде исторический очерк на русском языке и он был сочинен в 1728 г., т.е. на заре формирования русского научного языка. Спустя четверть века, в 1755 г., в начале первого номера знаменитого в истории русской журналистики научно-популярного журнала «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащих» Миллер вновь выступил с программным предуведомлением²¹. За прошедшие годы многое изменилось до неузнаваемости. Теперь уже не было необходимости распространяться о том, кому и для чего нужны периодические издания. Пользу ученых журналов, по его словам, познали все европейские народы. Предпринимая новое ежемесячное издание, подчеркивал Миллер, все члены Академии стремятся этим начинанием государству и народу российскому «трудами своими приносить действительную пользу», тем более что приобщение к научному знанию доставит читателям удовольствие и возможность всем любителям наук опубликовать собственные сочинения. Последнее положение обеспечивалось исключительно широкой тематикой журнала, где наряду с сочинениями чисто научного характера планировалось освещать актуальные вопросы истории, экономики, промышленности, предпринимательства, изобретательства, архитектуры, музыки, живописи и прочих искусств; предоставлять место на страницах журнала для библиографических обзоров, рецензий, поэтических и нравоучительных (притчи, сны, повести и т. п.) произведений. Кредо Миллера – трудиться не только для пользы, но и для «увеселения» читателей, исключая только неясные и невразумительные сочинения, поскольку «мы за правило себе приняли, писать таким образом, чтоб всякой, какого бы кто звания или понятия ни был, мог разуместь предлагаемая материи».

В середине столетия Миллеру не было необходимости сообщать и растолковывать элементарные сведения и давать обоснование в виде исторической преамбулы. Он поступил по-другому. Для того чтобы убедительно обозначить общеевропейский контекст, в конце предуведомления им был дан список названий

²⁰ Теофраст Ренодо (Th. Renaudot) издавал «La Gazette», запрещенную в 1642 г. по постановлению медицинского факультета Сорбонны. См.: *Копелевич Ю. Х.* Возникновение научных академий (середина XVII – середина XVIII вв.). Л., 1974. С. 26.

²¹ Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащих. 1755. Генварь. С. 3–6.

сорока восьми иностранных журналов «равного с нашим намерения» (с указанием начала выхода), издававшихся во Франции, Дании, Англии, Италии и особенно в Германии.

Иначе поступил Г. Ф. Миллер, выпуская в свет первый русский географический словарь – прообраз всех российских справочников энциклопедического характера²². Поскольку, в своем роде, это был первый опыт, то предисловие, датированное 1 августа 1773 г., имело выраженный рефлексивный характер. Начиная предисловие с утверждения о том, что почти во всей Европе стало обычным делом преподавать научное знание по азбучному порядку с помощью словарей, ученый задавал вопрос: а полезно это или нет? В естественных («высоких» – по его лексике) науках специальные понятия и термины удобно и полезно, особенно для начинающих, располагать в словарном порядке. Однако само изложение преподаваемого для учеников научного знания, если его разрывать на отдельные части и фрагменты, «читателям в пользу не служит, но паче в замешательство привести может тех, которые какою-нибудь книгою, в натуральной связи о той же науке писанною, твердаго основания еще не положили». Иное дело, высказывался Миллер, науки исторического цикла, которые также излагаются систематическим порядком, «но как по большей части состоят из *имян*, то и весьма способно, а для скорога приискания и весьма полезно, без опасения от того читателям замешательства, по азбучному порядку разположены быть могут». В XVIII в. еще не было жестких классификаций наук, и согласно широко распространенным представлениям, которых придерживался и отстаивал Миллер, к историческим наукам тогда причислялись не только весь цикл исторического знания: «гражданская, церковная, ученая и художественная», но также «и особенные науки: Землеописание (География), Летосчисление (Хронология), Родословие (Генеалогия), знание Гербов (Геральдика), знание древних и новых денег (*ars Nummaria*) и всякия древности, какого бы звания ни были, а некоторым образом и известия о нынешнем состоянии государств по их правлению, числу жителей, сухопутной и морской силе, коммерции, мануфактурам, земледельству, животным, растениям, минералам и прочим земным произведениям»²³. В XVII и особенно в XVIII столетиях учеными разных стран, продолжал Миллер, были подготовлены и изданы как общеисторические, так и специальные словари, охватывающие по своему предмету либо весь свет, либо отдельное государство. Из всех известных ему,

²² Географический Лексикон российского государства, или Словарь, описующий по азбучному порядку реки, озера, моря, горы, города, крепости, знатные монастыри, остроги, яшашные зимовья, рудные заводы, и прочия достопамятные места обширной российской империи, с объявлением и тех мест, которые в прежнюю и нынешнюю Турецкую войну, а некоторые прежде того и от Персии, Российскою храбростию овладеваемы были, из достопамятных известий собранный *Коллежским Ассессором и города Вереи Воеводою* Феодором Полуниним, а с поправлениями и пополнениями для пользы общества в печать изданный, трудами и с предисловием *государственной Иностранных дел Коллегии при Московском Архиве Коллежского Советника, Императорской Академии наук настоящего, а разных иностранных Академий и ученых собраний в Англии, Швеции, Голландии, Германии почетного Члена, и Парижской Академии наук Корреспондента* Герарда Фридриха Миллера. М., 1773. / Предисловие – без пагинации. Подробнее см.: Илизаров С.С. История создания и публикации первого русского географического словаря // Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978. С. 90–97.

²³ В этой связи стоит отметить, что словарь 1773 г., исходя из титульного заголовка, и по традиции называется географическим, правильнее, однако, его характеризовать как первый российский энциклопедический словарь.

Миллер, в качестве образцового во всех отношениях, называл французский «Dictionnaire de la France par M. l' Abbé d' Expilly».

Далее в предисловии Миллер лаконично, но предельно точно описал историю создания словаря, обстоятельства и причины включения его в эту работу, начатую воеводой города Вереи асессором Полуниным, степень собственного участия, основные источники информации, соотношение своего словаря с ходившим в рукописи незавершенным «Историческим и географическим лексиконом» Татищева, другие детали, важные для начальной историографии российских энциклопедий.

Миллер – историк Санкт-Петербургской академии наук

Всем ходом жизни Миллер был предопределен к написанию истории Санкт-Петербургской академии наук: крупнейший русский историк, государственный историограф, сотрудник Академии наук со времени ее открытия, как никто знавший архивные тематические материалы и т. п. Однако задолго до того как Миллер непосредственно приступил к написанию важнейшего историко-научного труда, в Академии наук в этом направлении уже сложилась определенная традиция ²⁴.

Первые академики Петербургской академии были, как правило, не только крупными учеными в своей области знаний, но и, почти все, – знатоками истории науки или, по меньшей мере, профессионально воспитанными на историческом опыте развития наук. Санкт-Петербургская академия с самого начала существования была весьма озабочена идеей написания своей истории и сохранением соответствующих документальных свидетельств. Другим стимулом для разработки истории являлись задачи просвещения российского общества, понимание необходимости настойчиво пропагандировать собственную деятельность, обосновывать полезность Академии наук для государства. Не случайно, а совершенно естественно, что тема истории Академии наук служит доминантой развития в России историко-научной мысли ²⁵.

С выступления профессора Бюльфингера в конце 1725 г., т. е. с первых дней существования Академии, была сформулирована общая исследовательская программа изучения истории Академии наук. Программа носила в значительной степени умозрительный характер, но иной она быть не могла, поскольку самого предмета исторического исследования не существовало – не было собственного научного прошлого – либо иначе – оно таковым не воспринималось. Ее автор формулировал задачи, исходя из опыта представления развития научных обществ в Европе. Напомню, что 27 декабря 1725 г. на первом публичном акте профессор логики и позднее физики Георг-Бернгард Бюльфингер выступил с речью, большей частью имевшей исторический характер. Он ставил ряд вопросов такого порядка: каковы судьбы наук от их начала в Европе до появления Академии? что такое Академия

²⁴ В ранней историографии Академии наук многое остается невыясненным, и монографически эта тема не разрабатывалась, тем не менее существует определенная исследовательская традиция, восходящая к середине XIX в., когда с программной статьей выступил А. А. Куник, который назвал основные вехи и опыты в разработке этой темы. После него об этом писал П. П. Пекарский, Г. А. Князев, В. П. Зубов, Ю. Х. Копелевич и др. В декабре 2004 г. в ИИЕТ РАН на Конференции, посвященной юбилею Архива РАН, я выступал с докладом по этой теме.

²⁵ Илизаров С. С. О доминантах российской историографии науки // Принципы историографии естествознания: XX век. СПб., 2001. С. 353–363.

наук? каковы предметы ее забот? каково ее значение? в чем заключается слава основателей по отношению к Академии?

Речь Бюльфингера послужила отправной точкой российской историко-академической традиции. Уже в следующем, 1726 г., профессор высшей математики Яков Герман выступал с докладом на сюжеты по истории прогресса геометрии.

На исходе первого десятилетия существования Академии, в 1735 г. конференц-секретарь Хр. Гольдбах выдвинул предложение о необходимости составления истории Академии и наметил конкретные меры для реализации проекта. В этом проекте впервые детально обосновывалась идея коллективного историко-научного сочинения; были также сформулированы основные принципы, источники информации, включая архивные, намечены принципы формирования авторского коллектива, обращено особое внимание на необходимость интервьюирования новгородского архиепископа Феофана (Прокоповича), первого президента Л. Л. Блюментроста и И. Д. Шумахера.

Проект Гольдбаха таит в себе немало неразгаданного и неясного. Не прояснены до конца причины, по которым он именно тогда подготовил данный документ. Согласно контракту, заключенному 1(13) сентября 1725 г., Гольдбах брал на себя обязательства заниматься и математикой, и писать историю Академии. Вскоре, 18 сентября, президент Блюментрост в письме графу Головкину, бывшему посланником при Прусском дворе, сообщал, что Гольдбах принят, «чтобы составлять историю Академии»²⁶. Примечательно, что в академическом отчете, подготовленном по запросу Верховного тайного совета в августе 1727 г., отмечалось, что Гольдбах написал историю академическую²⁷. Скорее всего, это историческое введение к готовящемуся тогда изданию речей в первом публичном собрании.

О том, что в сфере научных интересов Гольдбаха постоянно была история Академии, свидетельствует его обмолвка в проекте 1735 г.: «я и прежде не раз говорил, что не удастся быстро написать историю» Академии наук. Однако обстоятельства сложились таким образом, что реально Гольдбах несколько лет не мог заниматься подготовкой истории, поскольку уже с мая 1727 г. до середины 1730 г. был оторван от Академии. Но зато в годы президентства барона Корфа (1734–1740) именно Гольдбах фактически осуществлял научное руководство деятельностью Академии. Тогда-то и была активизирована работа по ее истории. Безусловно, Гольдбах вынашивал идеи написания истории Академии в союзе с президентом Корфом, интерес которого к истории возглавляемого им учреждения отчетливо заметен даже по немногим протокольным записям²⁸.

Спустя год после того как Гольдбах представил Академическому собранию свой проект, президент Корф распорядился подобрать в академическом Архиве материалы об основании и современном состоянии Академии, которые следовало передать либо ему, либо Гольдбаху.

По моему мнению, проект Гольдбаха последовательно реализовывался, но в силу внутриакадемических и внутригосударственных событий конца 1730-х – начала 1740-х гг., прежде всего смены руководства Академии и династического кризиса, явившихся причиной самоустранения от этой работы осторожного Гольдбаха, в конечном счете все свелось лишь к изданию известной работы Шумахера. Возможно

²⁶ Пекарский П. П. История Императорской Академии... С. 158.

²⁷ Материалы... Т. 1. С. 285.

²⁸ См.: Летопись Российской академии наук. Т. I. 1724–1802. СПб., 2000.

также предположение, что результаты работы Гольдбаха могли найти применение и даже в более поздней истории Академии наук Миллера.

В 1741 г. на русском и немецком языках вышла знаменитая своими выдающимися гравюрами с изображением планов, фасадов и профилей книга «Палаты Санкт-петербургской Императорской Академии Наук Библиотеки и Кунсткамеры...», где содержался краткий очерк истории Академии, подготовленный И. Д. Шумахером.

Таким образом, первым опубликованным на русском языке очерком истории Академии наук и стало предисловие Шумахера – магистра философии, одного из известнейших деятелей той поры.

Обращение Шумахера к истории Академии наук отнюдь не случайно. Он ближайший свидетель и участник создания Академии, в отдельные периоды почти полновластный ее распорядитель, а как заведующий академической Канцелярией знал лучше других документальную часть ²⁹. Сам Шумахер называл свой труд «краткой табелью», которая позволяла тем не менее достоверно судить о том, сколько усилий и средств затрачено государством на учреждение Академии в соответствии с планами ее основателя. Труд Шумахера – качественный краткий путеводитель по истории и состоянию Академии наук на начало 1740-х гг. Его текст лапидарный, поскольку выполнял ознакомительные презентационные функции и являлся вводной частью к знаменитым гравюрам, сохранившим облик Академии наук до пожара 1747 г.

Я думаю, с самого начала при глубокой внутренней мотивации необходимости изучения истории Академии, другим внешним импульсом к написанию этой истории послужили памятные юбилейные даты.

Вопрос о подготовке к юбилею возник в ноябре 1774 г., когда неприменный секретарь И. А. Эйлер напомнил коллегам о том, что на 1775–1776 гг. приходится полувековой юбилей деятельности Академии: в ноябре 1775 г. юбилей, если вести отсчет с первого из регулярных заседаний Конференции, в декабре 1775 г., – со времени первого публичного заседания Академии и, наконец, в августе 1776 г., – в годовщину второго торжественного заседания, впервые проходившего с участием императрицы Екатерины I ³⁰.

С юбилеями Академии не везло всегда. Не задалось с первого пятидесятилетия. Именно в это время происходила смена руководства Академии. Президент граф К. Г. Разумовский не принимал никакого участия в делах Академии, а 5 декабря 1775 г. императрица отправила в отставку директора В. Г. Орлова. В период безвластия единственное, что могли сделать академики, отложить окончательное решение о дате празднования юбилея. На заседании Конференции 8 июня 1775 г. Л. Эйлер выступил с предложением о переносе торжеств на 1 августа 1776 г., когда Двор вернется в Санкт-Петербург из Москвы ³¹. Через месяц Академия получила известие о назначении С. Г. Домашнева в качестве нового директора. Поздравляя Домашнева, И. Эйлер отправил в июле–августе несколько писем в Москву (где все еще находился Двор), в которых напоминал о приближении юбилейной даты ³². Однако впервые новый директор появился в

²⁹ Подробнее см.: Российская академия наук: 275 лет служения России. М., 1999. С. 755–770.

³⁰ Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 г. СПб., 1911. Т. III. С. 160, 164.

³¹ Там же. С. 186, 187.

³² Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века. Научное описание: 1766–1782. М.; Л., 1937. С. 259, 260.

Академии только 11 декабря 1775 г.³³, и, судя по протоколам, Конференция лишь с сентября 1776 г. вплотную приступила к подготовке юбилейных торжеств, которые прошли наконец в конце декабря того же года.

Когда встал вопрос, кому поручить написание истории Академии наук, то естественно все были едины во мнении, что нет лучшей кандидатуры, чем академик Миллер – профессиональный историк, старейший к тому времени (еще первого призыва) член Академии, знавший за полувековой период лично всех членов академической корпорации.

Домашнев несколько раз писал Миллеру в Москву, торопя с завершением истории Академии наук. Так 31 января 1776 г., надеясь на получение истории к юбилейным торжествам, он писал историографу, что этот труд необходим для подготовки нового академического устава³⁴. Время шло. Миновали юбилейные торжества. 15 мая 1777 г. Миллер сообщал в Санкт-Петербург, что написание истории задерживается из-за того, что он вовремя не получил переписчика. Это не было простой отговоркой. Его архив хранит зримые следы творческой лаборатории ученого, представленной в черновых вариантах рукописи и многократно правленных беловых экземплярах текста. Но дело было даже не в этом. Параллельно с заданием ученый писал историю морских путешествий по Ледовитому океану и на Камчатку. Затем через генерал-прокурора Сената князя А.А. Вяземского последовало именное поручение императрицы о проведении изысканий, посвященных российскому дворянству, превратившихся в первое монографическое исследование по истории сословий. После выполнения этой работы он вернулся к академической истории и довел ее до конца 1730 г. Потом новые поручения: от графа Г. А. Потемкина – написать историю о начале Преображенского полка, а от графа Н. И. Панина – известие о ранних годах Петра I и т. д.

Жалоба Миллера на отсутствие переписчика вызвала ответное письмо Домашнева 27 июля 1777 г., в котором он писал, что ожидает присылки уже написанного, напоминая, что никто кроме историографа не может описать историю Академии, поскольку он старейший член, был участником научных путешествий, долгое время являлся конференц-секретарем и т. п. 2 ноября того же 1777 г., устав ожидать, Домашнев уже решительно требовал текст, ссылаясь на высказывания некоторых академиков о получении Миллером большого жалования и при этом неисполнения порученного дела: «Мой долг напомнить вам ваши обязательства в Академии даже и для того, чтобы закрыть рот тем, которые так говорят не в вашу пользу»³⁵. Угроза возымела действие, и Миллер выслал часть написанного сочинения «Zur Geschichte der Academie der Wissen-schaften zu S.-Petersburg». 29 января 1778 г. он получил ответное благодарственное письмо директора Академии наук.

Работа над историей Академии позволила Миллеру настойчиво просить себе квалифицированного помощника, и 10 октября 1779 г. именным указом адъютант Санкт-Петербургской академии наук И. Г. Стриттер командировался в Москву помощником историографа в Московский архив Коллегии иностранных дел с чином коллежского асессора.

Начиная с осени 1780 г. Стриттер активно включился в работу, и вскоре продолжение составления истории Академии наук полностью перешло к нему, хотя отвечал за все по-прежнему историограф. Поэтому 6 марта 1783 г. именно Миллер пи-

³³ Протоколы... Т. III. С. 217–218.

³⁴ Пекарский П. П. История Императорской Академии... С. 397.

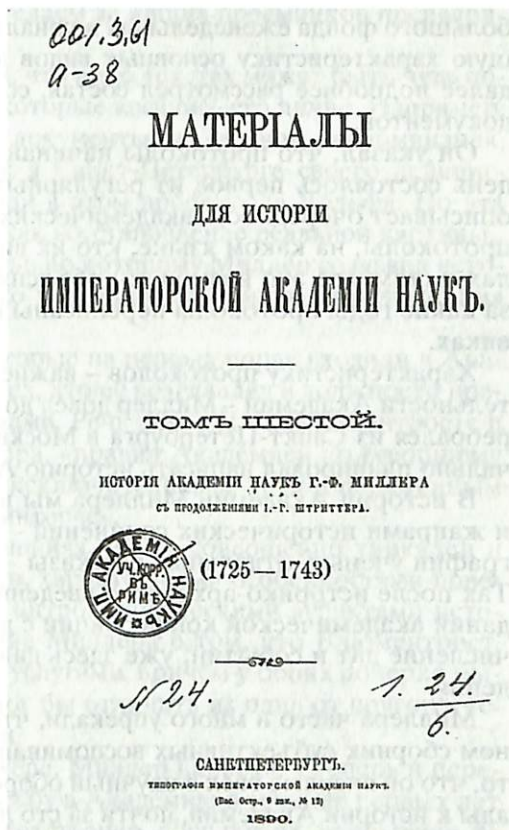
³⁵ Там же. С. 398.

сал новому академическому директору княгине Е. Р. Дашковой, извиняясь за поддержку с завершением истории, ссылаясь на преклонные годы и плохое самочувствие. Вместе с тем он говорил, что не оставляет надежды завершить начатое, но при условии, если его помощнику Стриттеру будут предоставлены соответствующие документы: протоколы научных заседаний – «конференцские протоколы» со всеми приложениями, а также все канцелярские протоколы, указы, донесения, рапорты, приходные и расходные книги, научная переписка. Перечисленные Миллером документы – корпус источников по истории Академии – определенным образом характеризуют круг вопросов и тем, которые, по его представлению, должны были наполнять сочинение. Умудренный Миллер предлагал Дашковой распорядиться о переводе на русский язык написанной им на немецком языке части академической истории, «дабы я мог удостоиться вашего наставления, повел ли я себя в сем роде сочинения с должною осторожностью и не с излишнею ли поступил я откровенностью. ...по приказаниям вашим точно последовать имею»³⁶.

Последний раз в протоколах Конференции информация о работе над историей Академии проходит в письме И. Г. Стриттера к И. А. Эйлеру от 31 августа 1783 г., где среди прочего сообщает о передаче Г. Ф. Миллеру очередной части работы³⁷.

Непосредственно Миллеру принадлежит текст, охватывающий события за 1725–1733 гг., а период с 1733 по 1743 гг. описал Стриттер на основании вышеназванных источников и по предначертанию историографа.

История Академии наук Миллера в том виде, как она была опубликована в 1890 г.³⁸, начинается со своеобразного источниковедческого введения, в нем рассказывается об Архиве Академии – точнее Архиве Конференции, который тогда, по его словам, был в наилучшем порядке. Архив Конференции состоял: из протоколов с приложениями, актов, текстов докладов, прочитанных на собраниях Академии и других учёных сочинений, как печатных, так и рукописных, а также из не-

Первое издание «Истории Академии наук» Г. Ф. Миллера. СПб., 1890. Титульный лист.

³⁶ ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 3. Д. 306. Л. 1; Пекарский П. П. История Императорской Академии... С. 399.

³⁷ Протоколы... Т. III. С. 691; Ученая корреспонденция... С. 21.

³⁸ В настоящее время готовится том избранных сочинений Г. Ф. Миллера, где будет помещена (впервые на русском языке в переводе Б. А. Старостина) та часть истории Академии наук, которая достоверно принадлежит его перу.

большого фонда еженедельных журналов и, наконец, из учёной переписки. Дав общую характеристику основных видов документов архива Конференции, Миллер далее подробнее рассмотрел состав, сохранность и особенности каждой из групп документов.

Он указал, что протоколы начинаются с 13 ноября 1725 г., поскольку в этот день состоялось первое из регулярных собраний Академии. Историк детально описывает очередность академических собраний, точно говорит, кто и когда вел протоколы, на каком языке, кто их визировал, обозначает пробелы в протоколах и (там, где это возможно) объясняет причины этих лакун; отмечает также, за какие годы протоколы переписаны набело, а за какие остались лишь в черновиках.

Характеристику протоколов – важнейших источников по истории научной деятельности Академии – Миллер довел до середины 1760-х гг. (с этого времени он переехал из Санкт-Петербурга в Москву). Не ясно, означает ли это, что он изначально планировал написать историю АН до этого периода?

В истории Академии Миллера мы встречаемся практически со всеми видами и жанрами исторических сочинений – аналитический исторический очерк, биографии ученых, отдельные рассказы – «анекдоты» по тогдашней терминологии. Так после историко-архивного введения в книге следует хроника событий: заседаний академической конференции с декабря 1725 г. Причем это не сухое перечисление дат и событий; уже здесь даются дополнительные неформальные сведения.

Миллера часто и много упрекали, что его история представляет собой в основном сборник субъективных воспоминаний, но при этом не обращали внимание на то, что он впервые ввел в научный оборот важнейшие, основополагающие материалы к истории Академии, почти за сто лет до декларации А. А. Куника и работ его продолжателей. Но Миллер не просто использовал документы, он, превосходно знавший реалии и проблемы полувекового периода Академии, глубоко исторически интерпретирует эти источники. Так, например, его анализ содержания проекта Положения об Академии 1724 года, анализ смысла помет Петра I на этом документе по ряду позиций интересней и глубже, чем у тех, кто потом не раз издавал этот основополагающий нормативный акт.

Сама тема – история Академии наук как высшего государственного научного учреждения – задавала широкий проблемно-тематический диапазон. Для такого исследователя, каким был Миллер, мастера факта и исторической детали, склонного при этом к определенным обобщениям, открывались широкие творческие возможности. Как бы ни была детально повествовательна канва, ученый неуклонно проводил генеральную линию. Согласно его представлению, создание в России Петром I Академии наук следует рассматривать «как завершение всех предприятий, совершенных величайшим из монархов на благо своей империи. Твердое основание Академии было заложено на благо России». Но рядом с таким широким обобщением, значительно опережавшим современную общественную мысль, в рассматриваемой работе столь же серьезно восстанавливалась история появления академической эмблемы и печати. Многократно наученный собственным горьким опытом недопонимания, он специально объясняет: «Прошу при том не принимать этих обстоятельств за какую-то не стоящую внимания малость. Великие ученые предпринимали утомительные, но полезные исследования в области сфрагистики; все изучение старых документов зависит от этих исследований. Может прийти время, когда необходимым окажется изучать происхождение академической печати.

Разве не будет полезным, если мы уже сделаем за наших преемников предварительную работу?»³⁹.

Субъективизм Миллера выражается в том, что в его текстах может быть чуть подробнее представлены те сюжетные линии, которые касались его лично. Например, он детальнее рассказывал, опираясь и на документы, и на свои воспоминания, о содействии в организации Академии наук в Санкт-Петербурге своего лейпцигского учителя профессора Менке, чем о роли в этом профессора Вольфа. Но эта субъективность может интерпретироваться как восстановление реальной картины.

Какой-либо предварительный план работы, по которому Миллер создавал историю Академии наук, мне неизвестен, но его нетрудно вычленить из содержания самого текста.

Перед тем, как рассказать об учёных, которые на первых порах входили в Академию, необходимо, писал он, упомянуть о тех, кто её возглавлял в должности президента и заведующего хозяйственными делами. Речь шла о Л. Л. Блюментросте и И. Д. Шумахере, который, по словам Миллера, «правил Академией ко всеобщему удивлению в течение более тридцати лет с исключительным, хотя и переменным успехом, и всегда имея в виду собственный интерес».

Текст Миллера интересен во всех отношениях, но он совершенно уникален и бесценен деталями быта, нравов, обстановки, характерными особенностями поведения тех или иных академиков и прочими антропологическими аспектами истории науки. Чего стоит, к примеру, замечание Миллера о том, что Блюментрост, «большой друг Шумахера», пользовался его услугами, причём у обоих почерки были до такой степени сходны, что никто не мог бы отличить их один от другого, если бы не был хорошо знаком с ними обоими.

После очерков о Блюментросте и Шумахере, Миллер написал: «Теперь я перечислю тех людей, которые поступили на службу в Академию в течение первых лет её существования. Перечислять буду соответственно порядку их прибытия»⁴⁰. И далее описывалось появление в Санкт-Петербурге и давалась соответствующая характеристика следующим ученым: Х. Мартини, И. П. Коль, Я. Герман, Г. Б. Бюльфингер, Х. Гольдбах, Николай и Даниил Бернулли, И. Г. Дювернуа, Т. З. Байер, Ж. Н. Делиль и Л. Делиль де ля Кройер, М. Бюржер, И. С. Бекенштейн, И. Г. Лейтманн, И. Х. Буксбаум, Х. Ф. Гросс и др.

После этого он рассказывал о судьбе тех адъюнктов, которые числились при Академии с самого её начала или вскоре после того, как прибыли в Академию, причем в основном тех, кто затем стали профессорами. В этот список попал и сам автор, а также Г. В. Крафт и И. Вайтбрехт.

Характерно, что также выстраивал, но уже сто лет спустя, свой замечательный труд П. П. Пекарский: сначала общий вводный очерк, затем описание жизни и деятельности Блюментроста и Шумахера, а затем биографические очерки о членах Академии в хронологической последовательности их поступления на службу. Сходство в структуре, последовательности микроблоков, в интонациях между текстами Миллера и Пекарского очевидное. Разница лишь в том, что у Миллера присутствует в изобилии внеисточниковая личностная информация. Миллер впервые использовал материалы Архива Академии наук в полной мере. Например, в подробнейшем жизнеописании Христиана Гольдбаха – человека, по словам Миллера, «редких заслуг и вместе с тем невероятной скромности, с обширными познаниями

³⁹ Материалы... Т. 6. С. 92–93.

⁴⁰ Там же. С. 24.

в языках и науках, которого уважали величайшие учёные...» – аккумулярованы практически все доступные историографу документы, и, кстати, именно Миллер сохранил материалы личного архива Гольдбаха, включая ранние юношеские произведения.

Многочисленные жалобы Миллера на недостаток источников информации и многократные просьбы о присылке документов из Архива Академии на самом деле задерживали работу. Дойдя в описании до событий конца 1720-х гг., он прервал повествование и сообщил о своем изначальном желании довести исследование до современности. Он писал: «Если бы мне предоставили желаемое, то недостатка в старании у меня бы не оказалось. Однако ведь вполне понятно, что я не в состоянии написать основательную и полную историю Академии за 50 лет без помощи академических архивов – учитывая мой возраст и слабеющую каждодневно память, а также моё жительство в Москве, где мне даже и не с кем обсудить вопросы истории Академии. До сих пор я черпал из моих собственных как рукописных, так и печатных сочинений, и они мне напомнили о многом, о чём я без них сейчас, быть может, и не подумал бы. Возможно, первые годы Академии описаны мною внимательнее, прилежнее и удачнее, чем последующие [...] Я собрал, кажется, всё это, а также и опубликованное в 1727–1728 годах у меня сохранным – но не позже. [...] По моей просьбе, я получил из Петербурга копии первых протоколов конференции, которые вёл господин Гольдбах. Пусть они несовершенно, но они дали мне возможность внести некоторые разъяснения. Мне обещали также протоколы за следующие годы, но пока я их не получил»⁴¹.

Раздражение и обида звучат в тексте Миллера, где он пишет о том, что просил прислать почтой архивные канцелярские книги одну за одной и что обещал возвращать их через каждые восемь дней: «Я сдержал бы это обещание. Но ничего не было сделано... Пришлось пропустить многие часы без пользы, и мне кажется, что они не понимают, на сколько времени жизни может ещё рассчитывать мужчина в возрасте 71 года. Не думали и о том, что после меня не останется никого, кто мог бы на том же уровне продолжить написанное мной или кто захотел бы это. Как известно, я был при Академии с самого её начала, а также принимал участие в очень многих событиях её истории. У людей отнимают много интересных истин тем, что не дают мне возможности раскрыть и поведать их. Таким образом, если хотят, чтобы я продолжал историю Академии, то пусть меня снабдят тем, что для этого необходимо. Если же нет, то ведь и другие, очень важные материи ждут, чтобы я их разработал, – важные предметы, которые я отодвинул из одной лишь любви и приверженности к Академии и из желания внести свой вклад в будущие юбилейные торжества»⁴².

Историограф Академии, писал о самом себе Миллер, должен ограничить себя только тем, что касается наук, и как бы ему ни хотелось бросить взгляд в будущее, он не должен отклоняться от событий нашего времени; но и при этом ограничении перед историографом стоят огромные и важные задачи.

⁴¹ Там же. С. 173.

⁴² Там же. С. 174.

* * *

Пером Миллера и его помощника Стриттера была воссоздана история первых десятилетий существования Санкт-Петербургской академии наук. Как уже отмечалось, эта работа являлась по сути государственным заказом, и, казалось бы, можно было ожидать быстрой публикации подготовленного труда. Однако этого не произошло. Невольно возникает вопрос, а не встречаемся ли мы впервые с ситуацией столь характерной для отечественной практики, когда затухание какой-либо кампании, особенно носящей политико-идеологический подтекст, приводит к незавершенности проекта? Полувековой юбилей Академии наук вскоре забылся, автор ушел из жизни, и рукопись первого масштабного труда по истории Академии наук покоилась в академическом архиве до середины XIX в., очевидно, не привлекая к себе чьего-либо внимания. Не вдаваясь в детали, объясняющие, почему три четверти века труд Миллера оказался невостребованным, наверное, главным следует считать отсутствие в России того времени историко-научного сообщества при наличии оформившейся специфической исследовательской области.

Процесс когнитивной институционализации истории науки заметно ускорился с середины XIX в., когда в условиях системного кризиса, поразившего устои Российской империи, в центре общественного внимания оказались поиски путей государственного развития, и как неизбежное следствие – изучение истории культуры, важной составной частью которой становилась наука. Именно в таком широком социокультурном контексте обратился к истории Санкт-Петербургской академии наук выдающийся историк-славист академик А. А. Куник (1814–1899), когда в 1853 г. выступил с программной статьей под весьма характерным названием ⁴³. В этой этапной для развития историографии Академии наук работе Куник подводил итоги собственных десятилетних историко-научных изысканий и потому не мог обойти вниманием опыт своих предшественников.

Любой манифест базируется на отрицании предшествующего. Именно такой, с оттенком публицистичности, была сформулированная Куником оценка произведения Миллера, который “по духу своей учености, слишком исключительно принадлежал XVIII веку. Из его истории Академии вышел только сбор материалов, в числе которых много весьма незначительных вещей...” ⁴⁴. Для Куника – представителя критического направления в историографии, воспринявшего гегелевскую философию истории, фактографизм Миллера мог казаться своего рода игрой в бисер, а весь труд первого историографа при поверхностном знакомстве мог восприниматься как собрание архивных выписок вперемежку с мемуарами. Вольные или невольные предвзятость и некорректность Куника оставили неизгладимый след в последующей оценке работы Миллера – историка Академии наук.

Знаменитый двухтомный труд академика П. П. Пекарского “История Императорской Академии наук в Петербурге” справедливо рассматривать как завершение первого этапа когнитивной институционализации истории науки в рамках академической традиции и одновременно как быструю во времени реализацию исследовательской программы А. А. Куника. В значительной мере скорость, с которой Пекарскому удалось осуществить столь масштабные исследования, определялась его творческим порывом, его волей к научной истине, но при этом необходимо учитывать, что он в полной мере воспользовался рукописными трудами своего предшественника на этом пути – Миллера.

⁴³ Куник А. А. Почему ныне невозможна еще история Академии Наук в XVIII столетии? // Ученые записки Императорской Академии наук по первому и третьему отделениям. СПб., 1853. Т. II. Вып. 1. С. 137.

⁴⁴ Там же. С. 139.

А. А. Куник

П. П. Пекарский

Всегда корректный Пекарский, прошедший в изучении истории Академии путем Миллера, не мог полностью преодолеть заданные Куником оценки. Пекарский писал о работе Миллера, что она включает в себе такие подробности, которые мог сообщить только этот академик, работавший с первых дней учреждения Академии, лично знавший всех ее членов и принимавший непосредственное участие во всех основных делах. Труд Миллера, имеющий, по мнению Пекарского, несомненные достоинства исторического источника, вместе с тем не лишен недостатков, характерных почти для всех “сказаний современников”. Поэтому Миллер как современник и участник описываемых событий не мог выступать в качестве беспристрастного стороннего свидетеля, “с спокойствием исследователя, которого занимают судьбы прошлого не ради личного его участия в нем, но для открытия только истины”⁴⁵.

Академик М. И. Сухомлинов (1828–1901), впервые издавший на немецком языке в 1890 г. историю Академии наук Миллера – Стриттера, насколько известно, не высказывал своего отношения к этому труду.

Я не ставлю задачи собрать все отзывы на эту важнейшую историко-научную работу Миллеру. Все они примерно придерживаются одного направления, оформленного характеристиками Куника. В советское время директор архива АН СССР Г. А. Князев в добротном историографическом обзоре, посвященном Академии наук, выразился предельно кратко: “Миллер успел составить очень подробный хронологический обзор лишь за первые годы существования Академии...”⁴⁶.

Субъективна и пристрастна оценка, данная В. П. Зубовым истории Академии Г. Ф. Миллера. Позиция Зубова превышает тот антигерманский контекст, характер-

⁴⁵ Пекарский П. П. История Императорской Академии... С. 429.

⁴⁶ Князев Г. А. Работа Академии наук над своей историей // Вопросы истории отечественной науки. Общее собрание Академии наук СССР, посвященное истории отечественной науки 5–11 января 1949 г. М.; Л., 1949. С. 801. Эта фраза в точности воспроизведена в: Комков Г. Д., Левшин Б. В., Семенов Л. К. Академия наук СССР. Краткий исторический очерк. М., 1974. С. 8.

ный для послевоенного периода нашей историографии. Можно даже заподозрить, что столь высокого уровня историограф, каким был Zubov, отошел от собственных принципов и, не изучая критикуемый текст, не разобрался в ситуации, в которой приходилось работать Миллеру в последнее десятилетие жизни. По словам Zubova, история Академии написана Миллером пристрастно, а в целом – “это смесь выдержек из архивных документов и субъективно-произвольных оценок. Истории в подлинном смысле здесь нет; нет ни обобщений, ни руководящей идеи. Архивист опубликовал выдержки без разбора, местами сопровождая их личными выпадами. Инициатива написания истории Академии наук принадлежала не Миллеру. Мысль эта родилась в предвидении 50-летнего юбилея Академии. Миллер писал “Историю” нехотя, ссылаясь то на отсутствие переписчика, то на другие данные ему, Миллеру, поручения, то на “болезненные припадки”⁴⁷.

М. И. Сухомлинов

Об огромной нагрузке Миллера всевозможными поручениями и собственными проектами, о том, что ему действительно не хватало помощников, говорилось выше. Что касается неприкрытой иронии Zubova, то Миллер, которому ко времени начала работ над историей Академии перевалило за семьдесят, продолжал неутомимо и каждодневно работать с раннего утра и до позднего вечера. Сверх того в апреле–мае 1772 г. у него произошел первый удар, повторившийся в следующем году после пожара, когда по соседству с домом Миллера (где была библиотека и хранилось его рукописное собрание) сгорело несколько тысяч домов⁴⁸.

Авторы вводного очерка к трехтомной истории Академии наук СССР в предельно кратком и невыразительном обзоре предпочли за благо вообще не упоминать о работе Миллера⁴⁹.

Самый авторитетный исследователь среди современных специалистов, Ю. Х. Копелевич, обратила внимание на устойчивую традицию, восходящую к оценке, сформулированной А. А. Куником, и попыталась несколько смягчить ее, отметив непреходящую ценность сочинения Миллера как “живое свидетельство современника, хотя и написанное через десятки лет и не лишенное субъективных подходов в выборе и освещении фактов”⁵⁰.

Я уверен, что публикация работы Миллера позволит по достоинству оценить научное, а не только источниковое значение этого труда. Однако работой Г. Ф. Миллера над историей Академии наук не начиналось его историко-научное творчество и не исчерпывалось ею.

(Окончание следует).

⁴⁷ Zubov В. П. Историография естественных наук в России (XVIII в. – первая половина XIX в.). М., 1956. С. 63.

⁴⁸ Пекарский П. П. История Императорской Академии... С. 397.

⁴⁹ История Академии наук СССР. Т. 1. (1724–1803) М.; Л., 1958. С. 7.

⁵⁰ Копелевич Ю. Х. Основание Петербургской академии наук. Л., 1977. С. 5.